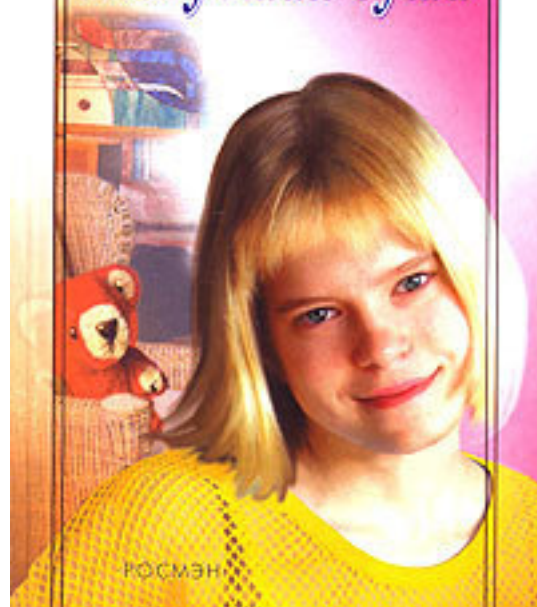

Первый роман

Вера и Марина ВОРОБЕЙ

Заблудшая душа

Первый роман

Вера и Марина Воробей

Заблудшая душа

«РОСМЭН»

Воробей В.

Заблудшая душа / В. Воробей — «Росмэн», — (Первый роман)

Катя Андреева, по прозвищу Каркуша, случайно познакомилась в метро с бездомной девушкой Вероникой и привела ее к себе домой. Та рассказала Кате душещипательную историю о том, что ее маме — знаменитому врачу — совсем нет дела до родной дочери, и поэтому Вероника ушла из дома. А потом оказалось, что Вероника — вовсе не Вероника, а Клава и что вся ее история — просто «легенда»...

© Воробей В.

© Росмэн

Содержание

1	5
2	8
3	10
4	13
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Вера и Марина Воробей

Заблудшая душа

1

Наконец-то за родителями захлопнулась дверь. Если честно, то Каркуше даже не верилось, что это все-таки случилось. Не верилось ей в свое счастье. Слишком долго она ждала, слишком уж затянулись сборы. Бесконечные наставления, поучения: не забудь то, не вздумай делать это, вода, газ, окна, балкон... Как будто на год уезжают! А сами-то всего лишь на каких-то несчастных десять дней отчалили. Все было превосходно, просто замечательно. Приподнятое, какое-то нереальное состояние духа омрачало лишь одно обстоятельство: Артем, старший брат Каркуши, остался дома. Вначале они собирались ехать втроем, даже три путевки в турагентстве заказали, но потом Артем заявил, что не может никуда поехать, так как ему предложили нечто такое, от чего он просто не может отказаться.

– От таких предложений не отказываются, – заявил он тоном бывалой кинозвезды. – Если меня заметят, а меня наверняка кто-нибудь заметит, – самоуверенно добавил он, – предложения сниматься градом посыпятся!

А речь-то всего-навсего шла о съемках очередного рекламного ролика. Но Артем, который учился на последнем курсе ВГИКа на актерском отделении, уверял, что работа предстоит серьезная и роль у него не такая, как была в прошлый раз, когда он рекламировал мыло «Цветы России», а со словами. Причем их, в смысле слов, довольно много.

Да и что толку сейчас сожалеть о случившемся? Факт, как говорится, оставался фактом: Артем никуда не поехал. Впрочем, сегодняшний вечер был в полном Каркушином распоряжении, потому что Артема пригласил с ночевкой однокурсник, имени которого брат ей не сообщал.

«Кстати, замечательная идея! – подумала вдруг Катя. – А почему бы и мне не организовать вечеринку? Или, как теперь все выражаются, вечерину? И как это мне раньше не пришло в голову?»

Первым делом она позвонила Незнакомке, но та не смогла принять ее предложение.

– Что же ты раньше не позвонила? – не скрывая сожаления, спросила Ольга. – Сережка билеты в кино купил, обидится, если я откажусь.

Но первая неудача Каркушу не остановила, и она позвонила Люсе Черепahiной. По закону подлости той дома, естественно, не оказалось. Катя сделала еще одну попытку, на этот раз уже почти не веря в успех своей затеи. Галя Снегирева вначале будто бы обрадовалась, но потом вспомнила, что обещала маме сделать в квартире генеральную уборку, поскольку к ним приезжает родственница из другого города.

Больше звонить было некому. Но не сидеть же дома в такой день? Отъезд родителей Каркуша приравнявала к празднику.

Одевшись, девушка решила отправиться погулять. Обычно в такое время, а стрелки часов подползали уже к половине десятого, ей не разрешалось выходить из дому. Но теперь ведь она сама себе хозяйка, и спрашивать разрешения не у кого!

В метро было душно и, как всегда, как-то по-особенному пахло. Оказавшись на платформе, Катя вдруг поняла всю нелепость своего поведения, ведь ехать ей было совершенно некуда. Так чего ради она здесь торчит, в грохоте и сутолоке? Не кататься же, в самом деле, по кольцевой без всякой цели! Нет, такая перспектива ей совсем не улыбалась.

Девушка вздохнула и хотела уже было направиться к эскалатору, как тут кто-то осторожно потянул ее за рукав.

– Девочка, дай, пожалуйста, рубль, – услышала Катя и резко обернулась.

С невыразимой печалью в глазах на нее смотрела девчонка. Одетая она была довольно аккуратно, никаких лохмотьев, какие обычно натягивают на себя попрошайки, да и лицо как будто чистое... Причем чистое не только в смысле грязи, но и в смысле выражения. Взгляд хоть и печальный, но в то же время ясный, открытый, светлые волосы собраны на затылке в «хвостик». Лет девчонке на вид было примерно столько же, сколько и Каркуше.

– Тебя как звать? – неожиданно спросила Катя, причем неожиданно не только для нищенки, но и для себя самой.

– Вероника, – не сразу ответила девчонка и улыбнулась.

– А что ты тут стоишь? Ты где вообще живешь? – продолжала проявлять странный интерес Катя.

– А я из дому убежала, – последовал бесхитростный ответ и столь же бесхитростное добавление: – Нечего там делать.

– Понятно, – сказала Каркуша. – Давай бери свою сумку и пойдем.

– Куда? – Девчонка распахнула свои без того большие, василькового цвета глаза.

– Ко мне домой.

В первый же день Каркуша забыла все родительские наставления, ведь ей строго-настрого запрещено было открывать дверь незнакомым людям. Родителям бы и в голову не пришло, что их дочь приведет домой нищенку. Это тебе не дверь незнакомцу открыть! Вообще-то Каркуша и сама не могла бы ответить, зачем она это сделала. Особенно потом, когда по прошествии времени вспоминала об этом странном знакомстве и о тех печальных событиях, к которым оно привело...

– Чего к стене жмешься? – улыбнулась Катя, включая в прихожей свет. – Раздевайся.

Вероника будто бы только и ждала этого приглашения. Она быстро и как-то даже судорожно стянула с себя куртку, потом расшнуровала и сняла ботинки, аккуратно поставив их в сторонку. Девушка исподлобья взглянула на Каркушу. В ее взгляде читался испуг. Словно Вероника (если ее и вправду так звали) боялась, что в любую секунду ее спасительница передумает и выставит ее за дверь.

– Проходи, – изображая из себя радушную хозяйку, сказала Катя. – Вон тапочки, – указала она рукой на розовые с помпоном, так называемые «гостевые» тапочки.

Гостья послушно сунула в них ноги и неуверенно, робко, словно передвигалась не по мягкому ковровому покрытию, а скользила по кромке тонкого весеннего льда, не отрывая от пола ног, прошаркала за Катей в кухню.

– Ты, наверное, голодная? – все с той же преувеличенной доброжелательностью поинтересовалась Каркуша.

Гостья поспешно и, как показалось Кате, затравленно кивнула. Вообще-то там, в метро, и потом, когда они шли к дому, Вероника держалась гораздо свободней, уверенней. А сейчас, оказавшись в незнакомой квартире, девушка резко переменилась. Все ее движения, мимика и даже молчание несли на себе печать какой-то привычной, заскорузлой, будто бы въевшейся в ее существо, как порой въедается в человека запах, униженности.

С этим надо было что-то делать, но Каркуша не знала что. Расспросить ее о семье, о причинах, заставивших ее выйти в метро и просить подаяния? Нет, ни в коем случае! Этими расспросами, как подумалось Кате, она добьется лишь одного: Вероника окончательно замкнется в себе. Но что же тогда делать? Как согреть, размягчить душу этой несчастной, доведенной до отчаяния девушки? Ведь не стала бы она просто так уходить из дому, если б не крайние обстоятельства! Да и где он, этот ее дом? Вряд ли девушка живет в Москве. Скорее всего она приехала сюда на заработки из какого-нибудь богом забытого городишка или села, где невозможно, как ни старайся, найти работу... Да и учиться там, конечно, негде, если не считать среднюю

школу... И ее мать тоже, по всей видимости, существо отчаявшееся, потерявшее надежду на лучшую жизнь, наверное, горькая пьяница. Отца у Вероники скорее всего нет. Но младшие братья и сестры имеются, неблагополучные семьи часто бывают многодетными.

Такие предположения строила про себя Каркуша, насмотревшаяся телевизионных репортажей о незавидной доле людей, в силу разных причин оказавшихся на улицах мегаполиса. Между тем Вероника, вжавшись в стену, сидела на табуретке и не сводила своих удивительно синих глаз с Кати.

– Короче, выбирай. – Катя села на табуретку. Ей подумалось, что так будет лучше, чем разговаривать сверху вниз с девушкой, которая и без того до крайности принижена обстоятельствами своей нелегкой жизни. Кате всячески хотелось вселить в душу Вероники ощущение, что они с ней на равных. – Выбирай, что будешь есть: куриный суп, котлеты с макаронами, ну, бутерброды с колбасой и сыром – это понятно, – принялась по-деловому перечислять она. – Или тушеное мясо с грибами?

Готовясь к отъезду, мама наготовила прорву еды, а также набила холодильник всяческими консервами: рыбными, мясными, овощными, сгущенным молоком, какао и соками.

Вероника смотрела на Каркушу растерянно. Ей явно не хватало смелости сделать выбор.

– Я не знаю... – с понурым видом отозвалась наконец она. – Суп, наверное...

– Суп – это понятно, – воодушевившись первым, хоть и незначительным сдвигом, принялась за дело Катя. – Суп – это у нас обязательная программа... Ну хорошо, – вздохнула она, заметив, что Вероника снова опустила голову. Видимо, ситуация и впрямь оказалась для нее мучительной. – На второе я тебе подогрею тушеное мясо с грибами. Мама очень вкусно его готовит. А на закуску откроем «Донской» салатик и бутерброды с томатным соком. Договорились?

И снова робкий кивок вместо ответа.

«Ну ничего, – мысленно успокаивала себя Катя, доставая тарелки. – Сейчас поедим, выпьем кофейку, я могу даже за тортиком в гастроном сбегать по такому случаю... А там, глядишь, и сама разговорится. Не будет же она молчать всю дорогу!»

– Ты куда столько режешь? – подала голос из своего угла Вероника, напряженно наблюдая за тем, как лихо Каркуша справляется с батоном «Докторской» колбасы. – Мы же столько не съедим, засохнет ведь, – с едва уловимым укором проговорила она.

Ела Вероника хоть и с аппетитом, но без той жадности, которую ожидала увидеть Катя. Дети, которых показывают в остросоциальных телерепортажах, обычно набрасываются на еду, как голодные волчата, нимало не заботясь о том, как это выглядит со стороны. В каждом же движении Вероники – в том, как она тянулась за бутербродом, какими маленькими глоточками отпивала из стакана сок, – ощущалось если не достоинство, то уж по крайней мере сдержанность и явное нежелание показаться невоспитанной. Каркушу это удивило, но вслух она, естественно, ничего говорить не стала.

2

От кофе с печеньем Вероника отказалась наотрез. За все время ужина – хотя для нее это наверняка было все вместе: и обед, и завтрак, и ужин – девушка едва ли обмолвилась парой фраз. Преимущественно то были однозначные, скупые ответы на Каркушины вопросы. Да и вопросы Кати касались в основном все той же еды. Например, она то и дело с беспокойной услужливостью в голосе интересовалась у Вероники, не хочет ли та еще мяса, подрезать ли хлеба, достаточно ли на ее вкус соли, перца, и все в таком же духе. Вероника отвечала сдержанно, изо всех сил пытаясь изобразить на лице благодарность, но, похоже, девушка предпочла бы, чтобы ее не дергали каждую минуту и просто дали спокойно поесть. А когда Каркуша поняла это, было уже слишком поздно – еды на столе почти не осталось.

Внезапно откуда-то из глубины квартиры послышалось тихое, жалобное завывание. Вероника резко вскинула голову:

– Кто там?

– Да это Мотя, – улыбнувшись, беззаботно махнула рукой Каркуша. – Обычно она выбегает, стоит только входной двери хлопнуть, а сегодня чего-то не выбежала. Тоскует, наверное, – предположила девушка и вышла из кухни. – Предки-то мои уехали.

Через мгновение она снова вернулась, но уже не одна. Впереди нее, радостно повилявая хвостом, трусила небольшая черная собачонка.

– Мотя, Мотя! – оживилась Вероника и принялась хлопать себя по ноге, подзывая собаку. – Ой, какая она у тебя толстая! Старенькая, наверное, уже?

– Семь лет, – ответила Катя, с удивлением наблюдая за переменой, которую произвело на ее новую знакомую появление собаки. Лаская ее, Вероника улыбалась, глаза ее светились неподдельной радостью, а от былой настороженности, казалось, не осталось и следа. Вся она словно преобразилась и показалась теперь Каркуше настоящей красавицей.

– А моему Снежку десять, – сказала Вероника, продолжая гладить Мотю по жесткой, лоснящейся шерстке. – А что это за порода?

– Полутакса-полупинчер, в смысле карликовый, – привычно ответила Катя.

Ей частенько приходилось отвечать на этот вопрос.

– Ну ты ее и раскормила! – заметила Вероника с легким укором в голосе. – Мой Снежок поджарый, шустрый, с виду ему никогда десять лет не дашь, носится как ненормальный...

Снежок, о котором Вероника упомянула уже дважды, чрезвычайно заинтересовал Каркушу, и она, решив, что собака – отличный повод для установления более тесных отношений, желая разговорить Веронику, осторожно поинтересовалась:

– А твой Снежок какой породы?

– Да никакой, – тряхнула «хвостиком» Вероника, не отрываясь от Моти. Казалось, собачонка полностью поглотила ее внимание. – Двортерьер. Мы с Пашей его на помойке подобрали. Только тогда он был примерно, как твоя Мотя, а потом так вымахал, чуть ли не до пояса мне сейчас достает! – Теперь голос Вероники был наполнен нежностью, и Катя поняла, что находится на верном пути.

– А он беленький и пушистый, да? – заискивающе-умильным голоском поинтересовалась она.

Наконец-таки Вероника оставила Мотю в покое, но та тут же водрузила ей на колени свои передние лапы и, заглядывая в глаза, начала скулить и подпрыгивать.

– На руки просится, – прокомментировала Катя и повторила вопрос: – Снежок твой беленький?

– Не-а, – покрутила головой Вероника, помогая Моте забраться на колени. – Ух, тяжелая такая!

– А какой же? – не отставала Каркуша.

– Черный, как смола, – последовал неожиданный ответ. И, немного помолчав, девушка добавила: – Даже пятнышка ни одного нет.

– А почему же ты его тогда так назвала? – удивленно округлила глаза Катя.

– Да это Паша, – будто бы нехотя отмахнулась Вероника. – Прикол такой...

– Понятно... – протянула Каркуша, лихорадочно соображая, сейчас ли ей начать спрашивать Веронику об этом Паше, имя которого тоже прозвучало уже во второй раз, или лучше с этим не спешить.

«Наверное, брат, – мысленно предположила Катя. – А может, и парень?» И, поколебавшись мгновение, решила пойти не прямым путем, а окольным:

– А с кем сейчас Снежок остался, с Пашей? – В ответ Вероника лишь скупно кивнула. – Вообще-то теперь редко это имя можно встретить, – как бы размышляла вслух Каркуша. – Хотя у меня тоже есть один знакомый Паша... Вернее, даже не знакомый, а друг. Он с моим братом в одном институте учится. А твой Паша, он кто тебе? Брат? – задала наконец интересующий ее вопрос Каркуша и тут же ужасно смутилась, услышав, как неловко, почти грубо он прозвучал.

Она ожидала какой угодно реакции, но только не той, что последовала. Как-то странно покосившись на Катю, Вероника вдруг звонко и, как показалось Каркуше, совершенно искренне рассмеялась. Смех у нее был настолько залившимся и заразительным, что невольно Каркуша улыбнулась. Вероника же вытерла выступившие на глазах слезы и, все еще продолжая тихонько смеяться, сказала:

– Паша – это девушка, вернее женщина.

И снова Каркуша не могла не поразиться перемене, произошедшей в лице Вероники после этих слов. Будто вспомнив о чем-то, она вся снова скукожилась, прижала к себе притихшую Мотю, и прежняя отчужденность повисла в воздухе.

Какое-то время в комнате стояла напряженная тишина. Катя понимала, что про Пашу, неожиданно оказавшуюся женщиной, воспоминания о которой Веронике явно неприятны, спрашивать больше нельзя, и лихорадочно пыталась найти новую тему для разговора. А Вероника окончательно замкнулась, полностью погрузившись в свои, неведомые Каркуше мысли. Впрочем, фраза, прозвучавшая в следующую секунду, окончательно сбила Каркушу с толку.

– Вообще-то я тебе наврала. Меня Клавой зовут, в смысле, Клавдией, – тусклым, безжизненным голосом сообщила Вероника.

3

Катя решительно не знала, как реагировать на столь неожиданное признание. Чтобы хоть как-то сгладить возникшую неловкость, она начала убирать со стола тарелки. Вероника, которая на самом деле оказалась Клавой, осторожно опустила Мотю на пол и кинулась помогать хозяйке. В полном молчании они сложили посуду в мойку. Повернувшись к госте спиной, Каркуша включила кран. Тугая струя воды ударила о металлическое дно раковины.

– Давай я вымою, – с готовностью предложила Клава.

– Отдыхай, – не поворачиваясь, бросила Катя.

– Обиделась? – Клава решительно повернула ручку крана и в наступившей тишине пристально посмотрела на Каркушу.

– Да нет, – дернула плечом та, – просто странно как-то... Зачем было врать? Ну и как же мне теперь тебя называть? Клава или Вероника?

– Называй как хочешь, – вяло махнула рукой Вероника-Клава. – Только я свое имя ненавижу, потому и придумываю каждый раз новое...

Каркуша молчала. Промокнув руки кухонным полотенцем, она подошла к окну, присела на край подоконника.

– Это все Паша, – тихо сказала ее гостя. – Вот как бы ты себя чувствовала, если б тебя назвали Клавой? А Пашутке плевать! Да ей на все плевать, кроме своей работы... – С каждой фразой девушка все больше распалялась, теперь в ее голосе слышалось все нарастающее ожесточение: – Она у меня вообще большая оригиналка, «неформатный» человек, как она сама себя называет. Вот и имечко придумала для меня тоже неформатное. Видите ли, мою прабабку так звали!

– А кто она тебе, эта Паша? – робко вклинилась Каркуша, от ее бывлой обиды и следа не осталось.

– Не догадалась еще? – подняла на нее свои небесно-голубые глаза Клава.

– Мама? – предположила Катя, решив, что имена детям обычно придумывают самые близкие люди.

– Угу, – недовольно буркнула Клава и процедила нараспев: – Ма-ма.

– А почему ее саму так странно зовут? Паша же это мужское имя? – спросила Катя.

– На самом деле ее зовут Прасковьей, но все почему-то называют ее Пашей. В смысле, родственники, друзья, знакомые.

– Понятно... – протянула Каркуша и после паузы спросила: – И ты тоже маму называешь Пашей?

– Ну да, – кивнула Клава. – С детства так привыкла. А ей приятно было. Очень даже. Нас всегда все за сестер принимали...

– Ну, вообще-то Прасковья тоже необычное имя, – как бы вскользь заметила Каркуша.

– Ей нравится, – пожала плечами Клава. – Но даже если б и не нравилось, это же не я ее так назвала! Разве я в чем-то виновата? За что она со мной так поступила?

Каркуша посмотрела на Клаву. Глаза той были на мокром месте.

– Да не расстраивайся ты так из-за ерунды! Очень даже красивое имя и редкое – Клавди-я... Нет, серьезно!

Но, посмотрев на гостью, тут же осеклась:

– Ну хорошо, не надо нам никаких Клав. Буду называть тебя Вероникой, договорились?

– Не обязательно Вероникой, – сквозь слезы улыбнулась девушка. – Можешь любое другое имя придумать... Только не Клава.

– Слушай, а зачем же ты тогда призналась? Зачем назвала свое настоящее имя?

– Не знаю, – опустила голову Клава. – Просто почувствовала, что не могу тебя обманывать... Ты ко мне со всей душой... В квартиру привела, накормила, а я...

– Ладно. – Каркуша отделилась от подоконника и подошла к девушке почти вплотную. – Для меня ты останешься Вероникой, и давай считать, что ты мне ни в чем не признавалась.

– Давай, – благодарно улыбнулась Клава, которую мы теперь тоже станем называть Вероникой.

– Вот скотина! – в сердцах воскликнула Каркуша, заглянув под раковину. Там, за деревянной с резной ручкой дверцей стояло мусорное ведро.

– Ты это о ком? – вскинула голову Вероника.

Сейчас девушка снова выглядела потерянной.

– Да братец мой старший, Артем, – раздраженно объяснила Каркуша. – Сегодня была его очередь мусор выбрасывать... Вон, посмотри, ведро переполненное, а мусоропровод у нас сломан... Блин... – Девушка шумно втянула воздух. – То-то я чую вонь какая-то стоит... Чувствуешь?

– Есть немного, – кивнула Вероника. – Теперь чувствую, после того как ты туда заглянула.

– Еще бы! – Каркуша с силой хлопнула дверцей. – Мотина каша протухла. Это все из-за тебя! – принялась она отчитывать ничего не понимающую собаку. – Постоянно выбрасывать приходится! А сухой корм она, видите ли, на дух не переносит... Ну, Артем! Ну, я ему устрою завтра!

– Чего ты так из-за какого-то мусора разволновалась? – искренне удивилась Вероника и предложила: – Давай ведро, я выброшу. Ты только скажи, куда идти...

– Ну вот еще! – обиженно фыркнула Катя. – Не хватало еще, чтобы гости ведра на помойку таскали!

– Да ерунда, – вскочила Вероника и кинулась к раковине. В следующую секунду она уже держала в руках белое пластмассовое ведро. – Куда идти?

– Никуда! – Каркуша попыталась вырвать у Вероники ведро, но девушка с неожиданной силой дернула ручку:

– Я вынесу. Должна же я хоть чем-то отблагодарить тебя за ужин.

– Глупости! – замахала на нее руками Катя. – Тогда вместе пойдем, – сказала она, но, посмотрев на часы, вдруг сокрушенно воскликнула: – Ни фиги себе! Мне же еще реферат по истории писать нужно... Как же я забыла? Придется из Нета скачивать, – горестно вздохнула она.

– Вот и занимайся своими делами, – улыбнулась Вероника. – А я прогуляюсь.

– Ну ладно, – сдалась наконец Каркуша. – Короче, выйдешь из подъезда и направо, пройдем один квартал, снова свернешь направо и там во дворе увидишь баки такие здоровые... Это и будет ближайшая помойка. Только ты ведро-то оставь, не бойся, это прочные пакеты.

Вероника послушно вытащила из ведра черный пакет, узлом связала его края. Целая стайка мелких мушек взвилась над ведром.

– Блин, ну, Артем! – взялась за прежнее Катя, сокрушенно покачивая головой. – Прямо мухоедство настоящее развел, это ж надо!

– Мухоедство? – От удивления Вероника даже пакет из рук выронила. К счастью, тот не порвался, падая. – Это же из «Бесов» Достоевского!

– Ну да... – подтвердила Катя и процитировала: – «Жил на свете таракан, таракан от детства, и попал он вдруг в стакан...»

– «...полный мухоедства!» – радостно закончила фразу Вероника. – А потом капитан Лебядкин объясняет, что мухоедство, это когда летом вонь, мухи, и все такое... Здорово! – Вероника с каким-то даже восхищением смотрела на Каркушу. – Значит, ты тоже любишь Достоевского?

– Не все, – после небольшой паузы отозвалась Катя. С каждой секундой Вероника казалась ей все загадочней. – Но «Бесы» три раза перечитывала...

Девушки помолчали немного, удивленно глядя друг на друга, а потом Вероника нерешительно попросила:

– Кать, а ты не могла бы сказать свой адрес? Так, на всякий случай, а то я страдаю этим, как его... топографическим кретинизмом, еще заблужусь...

Каркуша с сомнением покосилась на Веронику, но адрес все-таки назвала, хотя и заметила, что заблудиться тут мудрено.

– Я дверь закрывать не буду! – перегнувшись через перила, крикнула она вслед легко сбегавшей по лестнице Веронике.

4

«Неужели и впрямь заблудилась? – с тревогой подумала Каркуша, взглянув на часы. – Полчаса уже прошло...»

За это время Катя успела найти в Интернете реферат на нужную тему, вымыть посуду, которая так и осталась в раковине, и даже заварить свежий чай.

Беспокойство нарастало с каждой секундой. Больше всего Каркуша боялась, что Вероника и вовсе не вернется. Ведь где-то же она ночевала раньше. Много в поведении и в словах Вероники казалось Каркуше странным и необъяснимым. Одно было ясно наверняка – Вероника не обычная нищенка, за которую Катя приняла ее сначала. Конечно, за всем этим скрывалась какая-то тайна. Мама с таким необычным именем, которую все называют Пашей и которая, кроме работы, если верить Веронике, ничем не интересуется... Большая черная собака с неожиданной кличкой Снежок... Вероника его очень любит, это чувствуется. Когда она говорила о своем Снежке, то аж светилась вся изнутри. И потом, если Снежок остался с Пашей, значит, у Вероники все-таки есть дом! Конечно, есть. Только она почему-то не хочет там жить. А где этот дом? В Москве или в каком-нибудь другом городе? И что заставило Веронику покинуть любимого пса, маму и отправиться в метро за подаванием? Судя по одежде и по тому, с каким аппетитом Вероника ела, хоть и пыталась всячески скрыть, что она голодная, девушка бродяжничает уже не день и не два. А ее одежда хоть и поношенная изрядно, но, когда Вероника стояла у дверей с мусорным пакетом в руках, Каркуша успела разглядеть, что она вовсе не выглядит дешевой: коротенькая дубленочка на пуговицах с длинными плетеными кожаными петлями, очень даже симпатичная вещь, и сразу видно, что покупалась не на вещевом рынке. Да и черные ботинки на толстой ребристой подошве с металлическими пряжками по бокам... Похожие Каркуша видела как-то раз, когда от нечего делать заглянула в фирменный магазин «Доктор Мартинс». Нет, Катя сама, конечно, вряд ли стала бы носить такие. Во-первых, они ужасно тяжелые, а во-вторых, просто, как говорится, не ее стиль... Но то, что обувь эта, как и куртка Вероники, сделана добротно и явно куплена в дорогом магазине, не оставляло никаких сомнений. Уж в чем-чем, а в шмотках Каркуша разбиралась неплохо, хотя и никогда не питала к ним особой слабости. И потом, этот разговор про Достоевского... Когда Катя, в сердцах ругая Артема, произнесла это словечко «мухоедство», она никак не ожидала, что Веронике оно окажется знакомым. А та не только знала, из какого романа Каркуша его подцепила, но даже подхватила и проговорила вместе с Катей кусочек этой так называемой басни, сочиненной капитаном Лебядкиным. Да уж! Такое и представить себе трудно, чтобы нищенка из метро шпарила направо и налево цитатами из Достоевского...

«А вдруг на вокзал сбежала? Или куда-нибудь еще? – снова подумала Катя и, почувствовав, как ёкнуло сердце, вскочила со стула. – Или все-таки заблудилась? А что, если на нее, не дай бог, напали? На дворе-то уже почти ночь! А мало ли по району отморозков всяких шатается! И как я могла отпустить ее одну?!»

Прождав еще минут пять, Каркуша накинула на плечи куртку, вошла в полусапожки и, щелкнув выключателем, выскользнула на лестничную площадку.

Очутившись на улице, Каркуша с тревогой огляделась по сторонам. Двор был освещен парой фонарей. В их тусклых, неверных лучах девушка разглядела силуэт. Кто-то, сгорбившись, сидел на бортике песочницы в глубине двора, на детской площадке. Что-то подсказывало Каркуше, что это Вероника. Но что она там делает в то время, как Катя ждет ее дома, места себе от волнения не находя?

– Вероника! – тихонько позвала Каркуша. И, услышав, как робко дрожит в темноте ее собственный голос, повторила уверенней и громче: – Вероника!

Силуэт дрогнул, затем как бы нехотя отлепился от песочницы и, выпрямившись в полный рост, замер. Теперь Каркуша уже не сомневалась: это была Вероника. Катя шагнула навстречу своей новой знакомой и, когда их разделяло всего несколько шагов, обратила внимание на объемный предмет, болтавшийся где-то внизу.

«Не выбросила, что ли, мусор?» – подумала было Каркуша, но тут же поняла, что ошиблась. То, что болталось у самых ног Вероники, нисколько не напоминало даже мусорный пакет. Это нечто имело неправильную и довольно странную форму. Приглядевшись, Каркуша различила большую голову, круглые уши и лапы, торчавшие в разные стороны.

– Ну ты чего?! – с ходу набросилась на девушку Катя. – Я же волнуюсь все-таки! Думаю, мало ли, может, заблудилась или хулиганы к тебе привязались, а ты сидишь тут... Чего домой-то не идешь?

– Да вот... из-за него, – ответила Вероника и подняла то, что было у нее в руке.

– Что это? – опешила Каркуша, вглядываясь в непонятный предмет.

– Медведь плюшевый, – как-то виновато произнесла Вероника. – Выбросил кто-то, представляешь?

– Ну и что? – совершенно искренне недоумевала Каркуша.

– Вот и тебе кажется, что в этом ничего такого нет, – вздохнула Вероника, и Каркуше послышался в ее голосе легкий упрек. – А я, как только подумаю, что он многие годы кому-то служил... верой и правдой служил, понимаешь? Какой-нибудь мальчик или девочка укладывал его каждый день в свою кровать, укрывал одеялом, а потом засыпал, прижавшись к нему щекой... – С каждым новым словом голос Вероники все больше дрожал. Девушка будто бы боролась со слезами. – А потом, когда эта девочка или мальчик вырос, мишку выбросили на помойку... Из верного друга мишка превратился в совершенно ненужный и бесполезный хлам... Так и с людьми иногда случается...

Сказав это, Вероника прижала к груди игрушку и уткнулась в нее лицом.

– Ну ты чего делаешь? – возмутилась Каркуша, отрывая медведя от ее лица. – Он же грязный! Где ты его нашла? Там, возле баков подобрала, что ли?

– Не-а, – замотала головой Вероника. – Прямо из бака вытащила. Он сверху лежал. – Девушка помолчала немного, а потом добавила зачем-то: – На боку.

– Ну ты даешь... – только и сказала Катя.

Но Веронике в этих словах, наверное, послышался то ли упрек, то ли осуждение, потому что в следующую секунду она произнесла:

– Вот поэтому я тут и сижу. Мало того, что ты меня к себе позвала, так я еще медведя грязного в дом притащу...

– А ты не можешь его тут оставить? Утром мамыши поведут детей в садик... Может, он кому-то и приглянется? – предположила Каркуша, с надеждой заглядывая Веронике в глаза.

– Никому такое чудище приглянуться не может, – резко возразила Вероника. – Ты посмотри на него, он же старый, мех весь свалялся, грязный...

Только теперь Каркуша увидела, что цвет у этого злополучного медведя тоже странный – то ли розовый, то ли выцветший красный. Впрочем, игрушка была настолько грязная, что определить ее цвет просто не представлялось возможным.

– Нет, он теперь никому не нужен, никому, – с обреченной грустью проговорила Вероника и опустила голову.

– Кроме тебя, – не удержалась от колкости Каркуша, но Веронику ее слова, похоже, нисколько не тронули, во всяком случае, девушка по-прежнему стояла с опущенной головой, прижимая к груди игрушку. – Ну и на фиг тебе сдался этот мишка? Что ты с ним собираешься делать? – спросила Каркуша, чувствуя, как внутри нарастает раздражение.

– Выстираю как следует, а потом высушу, – спокойно ответила Вероника. – Ты не бойся, я не у тебя собираюсь его стирать...

– А где? – уставилась на нее Каркуша.

– Пойду на вокзал. Там туалеты классные, мыло жидкое есть и горячая вода. Я заплачу теханше полтинник, она мне и слона разрешит вымыть, не то что медведя плюшевого...

– Значит, ты так бы и ушла на вокзал, ничего мне не сказав? Из-за какого-то медведя помоечного? – нажимая на каждое слово, злобно поинтересовалась Катя.

– Нет, что ты! – горячо возразила Вероника, пропустив последнее замечание мимо ушей. – Я бы обязательно поднялась к тебе. Попрощаться и поблагодарить за все. Мишку бы в песочнице пока оставила, а сама поднялась бы, честное слово...

– А потом?

– Что потом? – Вероника смотрела на Каркушу широко распахнутыми глазами.

– Ну, потом куда бы медведя дела? Так бы и таскалась с ним по метро? – безжалостно спросила Каркуша.

– Нет, я бы мишку к отцу отнесла, – ответила Вероника. – На хранение. Он бы не стал возражать, я знаю...

– Ладно, – устало махнула рукой Катя. – Бери свое сокровище и пойдем. Стирального порошка у нас – завались! Целую фуру таких мишек выстирать можно. Мама постаралась перед отъездом, чтобы мы с Артемкой грязью не заросли. Ну пойдем, чего стоишь? – Катя нетерпеливо потянула Веронику за рукав куртки.

Нерешительно Вероника тронулась с места.

«Значит, у нас еще и отец имеется! – с каким-то непонятным, совершенно необъяснимым злорадством думала Каркуша, поднимаясь по лестнице. – И мама есть, и папа, и даже собака! Но почему-то мы стоим в метро, побираемся... Похоже, родители живут отдельно, а отец так вообще в Москве, раз она собралась подкинуть ему мишку...»

– Я знаю, о чем ты сейчас подумала, – подала голос Вероника откуда-то сзади.

– И о чем же, интересно? – Каркуша резко развернулась на каблуках.

– Ты думаешь, наверное, как же так могло получиться, что у меня и мама есть, и отец, а я стою в метро милостыню прошу, да?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.